apx

1521
37

621/37 А

К. ДУБИНА

ЗЛОДЕЯНИЯ НЕМЦЕВ В КИЕВЕ

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1945

521
37

К. ДУБИНА

ЗЛОДЕЯНИЯ НЕМЦЕВ В КИЕВЕ

ОГИЗ
Государственное издательство
политической литературы
1945

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
809655

Киев — один из самых старинных городов Восточной Европы. Более тысячи лет стоит он на крутых склонах Днепра. Немного найдётся городов, которые имели бы такую богатую и славную историю, как Киев. Героическими преданиями озарено его прошлое. Киеву довелось пережить и гордость победителя Византии и величие первой столицы Руси. Много героических дел, осуществлённых во славу родины, видели берега Днепра. Киев — святыня и гордость всех народов Советского Союза, колыбель русского, украинского и белорусского народов, «мать городов русских». Здесь было заложено начало русской державы.

Не мало и горя, страданий пришлось испытать Киеву от чужеземных захватчиков. Неоднократно столица Украины подвергалась жестоким ударам, разрушению и опустошению, но ещё не было силы, способной сломить волю киевлян к сопротивлению, заставить Киев склонить свою гордую голову.

В историю Киева кровью вписан 1240 г., когда татары ворглись в город, разрушили его, перебили много народу и превратили киевлян в татарских данников. Киев помнит ни разбоя немецких империалистов в 1918 г. и чёрные дела предателей из Центральной рады и гетманского «правительства» Скоропадского — холопа немецких империалистов. Киевлян распинали и сажали на кол польские шляхичи. Но всё это пережил Киев, чтобы увидеть, наконец, полный расцвет своей родины — солнечной Советской Украины.

Почти четверть века народы свободолюбивой Украины, добывшие при помощи великого русского народа свободу и установившие свою государственность, строили счастли-

вую жизнь. Дивным цветом расцвёл Киев за годы совет
ской власти.

Киев стал большим промышленным центром с широк
развитой металлообрабатывающей, военной, лесной, лё
кой и пищевой промышленностью. Здесь было сосредото
чено 1 176 промышленных предприятий. В городе бы
900 тыс. жителей. На заводах «Арсенал», «Ленинская ку
ница», «Большевик», станкостроительном и многих др
гих работали десятки тысяч рабочих.

Улицы города украсились построенными за последни
годы чудесными зданиями. Голубые троллейбусы и бы
рые авто бесшумно мчались по асфальтированным улица
Радовались киевляне, любуясь живописными уголками зл
тоглавого красавца, его роскошными парками и скверам
утопающими в зелени улицами, чарующим пейзажем кр
тых склонов Днепра.

В довоенном Киеве было 51 научно-исследовательск
институт, 20 высших учебных заведений и 40 техникум
и рабфаков.

Десятки тысяч юношей и девушек обучались в светль
хорошо оборудованных помещениях вузов. Университе
институты — педагогический, индустриальный, инженерн
строительный, авиационный, медицинский, сельскохозя
ственный, мелиоративный, театральный, художественны
и другие — ежегодно выпускали тысячи молодых специал
стов. Дети рабочих, колхозников и служащих приобрета
здесь знания, становились географами и врачами, матем
тиками и физиками, историками и литераторами.

В столицу цветущей Советской Украины приезжа
ударники колхозных полей, стахановцы — шахтёры и м
таллурги, станкостроители и транспортники, учёные
Москвы и Ленинграда. Здесь происходили совещания
съезды лучших людей Украины. Сюда со всего Советско
Союза приезжали многочисленные группы экскурсанто
Киев посещали иностранные инженеры, учёные и педаго
Он привлекал внимание выдающихся государственны
деятелей, писателей и журналистов всего мира.

Но мирный творческий труд украинского народа, сч
стливую его жизнь в самом расцвете прервали злейш
враги человечества — немецкие фашисты. Дикие ор
людоеда Гитлера, ворвавшись на украинскую землю, зали
её кровью, покрыли виселицами и устлали трупами
ветских людей, превратили в кладбища сотни цветущ
городов и сёл.

Земля украинская окуталась дымом пожаров, подверглась страшному опустошению. Чёрные тучи надвинулись и на Киев.

Около 2 месяцев продолжалась героическая оборона Киева. Плечом к плечу с бойцами Красной Армии, презирая смерть, мужественно и храбро отбивали ожесточённые атаки немецких захватчиков жители Киева. Неоднократные приказы Гитлера «овладеть Киевом» срывались.

Гитлеровское командование бросало в бой всё новые и новые части. Ценой огромных потерь доставался врагу каждый шаг продвижения. Многие населённые пункты под Киевом по нескольку раз переходили из рук в руки. Десятки тысяч немецких трупов валялись на окраинах города. Непосредственно под Киевом врагу не удалось одержать победу. Только общая, в то время неблагоприятная для нас, военная обстановка вынудила наше командование дать приказ об оставлении Киева. 21 сентября 1941 г. наши части оставили город.

Немецкие войска ворвались в Киев. Банда грабителей и убийц, армия палачей вторглась в город и растоптала человеческое счастье, принесла киевлянам нестерпимые муки фашистской неволи.

ЗВЕРСКОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА

Уже первые часы своего пребывания в Киеве немцы отметили диким разбоем.

Бесноватый «фюрер», идеолог топора и плахи, звериного национализма и расовой ненависти, приказал своим диким ордам уничтожать русских, украинцев, белоруссов, евреев. И немецкие солдаты и офицеры убивали беззащитных советских людей. Убивали днём и ночью, убивали в домах и на Лукьяновском кладбище, на площадях у подножья памятников и на улицах, в садах и парках. Расстреливали из автоматов стариков, женщин и детей. Убивали тех, у кого были найдены членские билеты МОПР или членские книжки Осоавиахима, убивали советских активистов и стахановцев, убивали всех, кто попадался под руку.

Там, где ненавистный враг ступал своим кованым сапогом, лилась кровь невинного люда, вздымалось в небо зарево пожаров.

28 сентября 1941 г. немецкая фельдкомендатура расклеила по городу приказ, в котором говорилось, что всем

евреям Киева и его окрестностей надлежит «ровно в 8 часов утра 29 сентября прибыть на ул. Мельника, взяв с собой ценные вещи, тёплую одежду и бельё. Кто не явится, будет расстрелян». По городу распространился слух, что еврейское население будут куда-то переселять.

В назначенный час вся улица Артёма до улицы Мельника была заполнена людьми. Гитлеровцы повели собравшихся на Лукьяновское кладбище, к Бабьему Яру. Туда шли мужчины и женщины с грудными детьми на руках, больные и беременные, старики и дети. Среди них были рабочие и служащие, учёные и артисты. Шли с Подола, Печерска, с Бессарабки и Святошина.

Когда обречённых пригнали на кладбище, у них отобрали все ценные вещи и одежду. Затем людей ставили рядами так, чтобы одним выстрелом убивать несколько человек, и расстреливали из автоматов. Ставили вторую, третью очереди. Падали убитые и раненые. Гитлеровские бандиты добивали лопатами раненых и брошенных живыми грудных детей, а затем засыпали их землёй. После этой дикой расправы долго ещё шевелилась земля, из-под насыпи долго ещё слышались глухие стоны.

Сторож Лукьяновского кладбища Сергей Иванович Луценко, который был очевидцем этой трагедии, рассказывает: «Когда обречённых пригнали на товарную станцию, когда они заполнили всю Лукьяновку, улицы Дегтярёвскую, Лагерную и Мельника и близлежащие три кладбища, несчастным приказали сложить вместе все свои вещи. Потом немцы выстраивали людей в колонны по 100 человек и вели в Бабий Яр. Из сторожки на кладбище было хорошо видно, как возле обрыва останавливали колонны, как людей раздевали догола и складывали вместе их одежду, как из автоматов и пулемётов расстреливали поставленных на краю оврага, как хватали детей за ножки, подни-мали их и бросали живьём в Яр.

Расстреливали с утра до вечера. Ночью немцы ложились спать, а обречённых на расстрел загоняли в пустые гаражи. Утром снова начинали расправу. Так продолжалось 5 дней. Пригоняли людей, а вывозили в больших крытых машинах только их вещи. Каждые пять минут отходила новая машина. Трупы сбрасывали в Яр, а вечером динамитом взрывали его склоны, чтобы засыпать землёй и мёртвых и недобитых».

Два года подряд в Бабьем Яру не умолкали выстрелы. Тут расстреляли моряков, потом железнодорожников

рабочих заводов «Большевик», «Ленинская кузница», «Транссигнал». Расстреливали эсэсовцы, гестаповцы, полицейские.

Расстрелы и пытки не прекращались. На улицах лежали группы замученных, качались на виселицах посиневшие тела женщин и детей. Убийствам часто предшествовали садистские пытки. В полицейских камерах фашисты до полусмерти били и истязали свои жертвы, выжигали раскалённым железом глаза и клеймили тело, выводили зимой совершенно раздетых людей на мороз и поливали их ледяной водой, живьём бросали в проруби Днепра.

В феврале 1942 г. гестаповцы пригнали к Днепру группу мужчин, женщин и детей. Их заставили вырубить возле Дарницкого моста прорубь и приказали прыгать в неё. Но после команды «прыгать!» люди стояли неподвижно. Раздалась очередь из автомата, и на лёд упали окровавленные тела. Кое-кто прыгнул в воду. Один из умертников, резко обернувшись и разодрав на себе в отчаянии рубашку, воскликнул:

— Нате! Стреляйте, гады! За всё получите возмездие!

И упал, подкошенный автоматной очередью. Второй крикнул:

— Товарищи! За родину!

Но пуля не дала ему договорить.

Даже больные не могли избежать зверской расправы. Их немцы отравляли, умерщвляли в «душегубках». Так, 4 октября 1941 г. в психиатрическую больницу ворвался отряд эсэсовцев. Фашистские людоеды загнали в один из домов 300 больных, продержали их там без пищи и воды несколько дней, а потом расстреляли в овраге Кирилловской рощи. Такие расправы повторялись неоднократно. В больницу прибывали «душегубки». В них загоняли по 60—70 человек психически больных, а через несколько минут оттуда выбрасывали трупы.

Об одном из таких «визитов» рассказал в своём выступлении на общегородском митинге киевлян 27 ноября 1943 г. профессор Психоневрологического института Р. Киричинский. «Тяжело даже представить себе, — говорил он, — до каких пределов жестокости и цинизма может дойти немецкий варвар! Так, в психиатрическую больницу однажды прибыла специальная комиссия, которая отобрала более 500 больных. Несчастных совсем раздели группами грузили в закрытую машину. Двери этой машины герметически закрывались, и начинал работать

мотор. Через пятнадцать минут всё было кончено. Ма
шина подходила к яме, её открывали и оттуда вытаски
вали скорченные трупы. Немцы делали это пунктуально
с двухчасовым перерывом на обед в течение двух дней.

Гитлеровцы казнили людей за мельчайшую «провин
ность»: за нарушение светомаскировки — расстрел; за со
чувствие Красной Армии — расстрел; за хождение по ули
цам позже указанного немцами времени — расстрел; з
саботаж — расстрел. Саботажниками немцы считали и тех
кто не зарегистрировался на «бирже труда» и не выеха
«добровольно» на немецкую каторгу.

В фашистской газете «Українське слово» 29 сентябр
1941 г. был напечатан такой приказ:

«Жителям (всем лицам) запрещено выходить н
улицу от 20 до 5 часов по немецкому времени.

Нарушители этого приказа могут быть расстрелян

Комендант города Киева

Вслед за этим на улицах появились трупы киевля
к одежде которых были приколоты записки с лаконически
текстом: «Нарушил приказ, шёл в 20 часов 10 минут
«Убит в 21 час 04 минуты».

Не успевала ещё высохнуть на улицах кровь убиты
как немцы искали уже новые жертвы. 25 октября п
явился приказ, в котором говорилось:

«Всех голубей в городе и пригородной полосе на
немедленно уничтожить. Кто после 26 октября будет ещ
держать голубей, тот будет расстрелян, как саботажник

25 октября оккупанты объявили этот приказ, а 26 о
тября, когда в пригородную полосу ещё не дошли газет
людей хватали и расстреливали за невыполнение приказ

Стены домов пестрели объявлениями, в которых сообщ
лось о расстреле сотен киевлян.

«В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстр
ляно 100 жителей Киева. Пусть это послужит предостер
жением. Каждый житель Киева является ответственн
за акт саботажа».

«Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботаж
заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам. П
этому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За ка
дый новый случай поджога или саботажа будет расст
ляно значительно большее количество жителей Киева».

А наряду с этим «Українське слово» печатало бесч

ленные объявления, полные угроз. В номере от 30 октября 1941 г. было напечатано:

«Лиц, которые со злым умыслом или по неосторожности будут портить или уничтожать проволоку, кабельные провода или приборы для передачи сообщений или снимать кабель или проволоку, повисшую в воздухе или лежащую на земле, — будут считать виновными в саботаже и НАКАЗЫВАТЬ СМЕРТЬЮ. Такое же наказание ждёт каждого, кто будет подстрекать преступника или помогать ему каким-либо способом до или после такого поступка. Всякая попытка будет наказываться.

Если нельзя установить виновного, то за результаты будет отвечать та местность, в чьём районе управления будут обнаружены повреждения сети связи».

Однажды ночью были перерезаны телефонные провода, ведущие к городской немецкой комендатуре. Наутро фашисты хватали первых встречных и на месте расстреливали их как «участников ночного злодеяния». Итоги этой кровавой расправы гитлеровцы подвели в специальном приказе, где говорилось, что за «диверсионный акт, выразившийся в перерезании телефонных проводов, расстреляно 300 человек».

Киевлянка В. П. Баленко рассказывает: «В октябре 1943 г. во дворе дома № 72 по Красноармейской улице началась перестрелка, в результате которой был ранен немец. Тогда гитлеровцы начали стрелять по окнам жителей, ловили первых попавшихся киевлян и забирали неизвестно куда. На следующий день нашли убитого немца на Владимирском базаре. Кто его убил — неизвестно, возможно и сами немцы, ибо они часто после пьянки дрались между собой, но за убитого немца забрали много людей, которые жили в этом районе, и отправили на Львовскую, 24. О последующей судьбе несчастных никто ничего не знает».

Немецкие палачи расстреливали киевлян из автоматов, кололи, вешали на деревьях в парках и скверах, на фонарях, стоящих на углу Крещатика и бульвара им. Шевченко. Там, где тысячи киевлян в ясные погожие дни довоенного времени отдыхали и любовались природой, где резвилась детвора и развлекалась наша жизнерадостная молодёжь, — там при фашистских палачах качались трупы повешенных. Их не снимали по нескольку дней: «Пусть мёртвые наводят ужас на живых». Страшным террором гитлеровцы старались запугать киевлян и сломить их волю

к сопротивлению, превратить советских людей в забитых и послушных рабов.

Расстреливали и истязали мирное население немецкие солдаты и офицеры, жандармы и полицейские, фабриканты и торговцы. Убить человека было для них обыкновенным делом. Как в условиях рабовладельческого строя рабовладелец убивал раба, не отвечая за это, так и немцы убивали украинцев, не неся при этом никакой ответственности.

В марте 1943 г. на кондитерской фабрике был такой случай: за то, что семнадцатилетняя работница съела 50 граммов печенья, немец Юнг схватил её за горло и так ударил головой о стену, что девушка тут же умерла.

В июне 1943 г. шеф немецкого магазина (помещение бывшего «Гастронома» на углу улицы Ленина и Крещатика) Краков железным прутом по голове ударил продавщицу-украинку, упустившую из рук ящик с яйцами, и убил её насмерть.

25 сентября 1943 г. на мостовой возле оперного театра лежал труп молодой девушки с приколотой к одежде запиской: «Спросите её, где линия фронта». Очевидно, девушка неосторожно спросила кого-то о фронте и за это немцы убили её.

В нечеловеческих условиях находились рабочие предприятий. Бывший волынский помещик барон фон Рентельн, хозяйничавший на заводе «Ленинская кузница», ввёл такие дикие, крепостнические порядки. Почти ежедневно после работы рабочих выстраивали во дворе, заставляли приседать и вытягивать руки. Начинался обыск с помощью собак. Собака сваливала и кусала человека, у которого находила пустую бутылку. Напрасно было доказывать, что рабочий взял бутылку из дому, чтобы зайти после работы на базар и купить молока, — его обвиняли в попытке украсть бензин и чинили над ним лютую расправу. Так было со слесарем Багатюком и со многими другими.

Однажды рабочий Иванов заболел. Немцы приехали к нему домой, притащили его в цех, избили и, привязав к станку, заставили работать. Одного рабочего, заподозренного в краже автомобильной камеры, жестоко избили, а потом застрелили.

За малейшую «провинность» рабочих били палками. Почти ежедневно устраивались публичные порки.

Выступая на митинге в освобождённом Киеве 27 ноября 1943 г., кадровый рабочий завода «Ленинская кузница»

Евгений Андреевич Грачёв в своей речи заявил: «Когда пришли немцы, завод был передан немецкой фирме УСМА. Хозяином завода стал немец — палач Рентель. Этот ирод и вор превратил рабочих завода в рабов, заставлял работать по 14—15 часов в сутки. Двуногие звери били обессиленных рабочих железными палками. Зимой обливали ледяной водой».

На других предприятиях положение рабочих было не легче. Начальник станции Киев-II немец Лиза бил «провинившихся» до тех пор, пока не появлялась кровь, а потом натравлял на замученного овчарку. Один из очевидцев рассказывает: «Я случайно видел, как Лиза бил пожилого рабочего-железнодорожника. Бил долго, а потом скомандовал: «Иди!»

Рабочий упал на колени и стал молить о пощаде. Я не понимал, в чём дело. Оказывается, он просил не натравливать собаку, но напрасно. Когда овчарка бросилась на беднягу, он дико кричал, а Лиза смеялся».

Немцы узаконили проституцию. В городе появились притоны. Один из них помещался в доме № 72 по улице Саксаганского. Офицеры и солдаты били согнанных туда девушек и издевались над ними.

Изо дня в день немцы сновали по городу, выискивая женщин для домов терпимости. Если намеченная жертва сопротивлялась, ей угрожали расстрелом. Часто женщины кончали самоубийством. Так, одна молодая девушка на Красноармейской улице, спасаясь от фашистских садистов, выбросилась с пятого этажа на улицу.

Однажды по городу были вывешены объявления, в которых красивым женщинам и девушкам предлагалось явиться на «биржу труда» для назначения на выгодную работу. Некоторые женщины пошли. Немцы отобрали часть из них, взяли под стражу и отправили в один из домов на Соломенке. Когда женщины поняли, для чего они взяты, и пытались убежать, им пригрозили расстрелом.

Тем, кто занимался проституцией, немцы выдавали жёлтые билеты и не посылали в Германию.

Почти все мирное мужское население оккупированных районов гитлеровцы объявили военнопленными. В окрестностях Киева они загнали в концлагери всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет. Не пощадили также женщин и подростков. В лагерь, который помещался в Киеве на Керосинной улице, немцы пригнали 2 октября 1941 г.

более 500 жителей города. Многие из них были в одно белье. Несмотря на холод, полураздетым людям приказывали ложиться прямо в грязь. Так держали их в течение трёх дней, а потом всех расстреляли.

Расстрелы в лагерях без суда и следствия, без каких-либо обвинений проводились систематически.

Пленный солдат 13-й роты 245-го полка 88-й немецкой пехотной дивизии Йозер Ертельтальнер рассказал:

«В Киеве я видел, как немецкие офицеры и солдаты мучили и убивали мирных жителей и советских военнопленных. На окраине города, недалеко от военных казарм, находилось полуразрушенное здание фабрики. По приказанию офицеров солдаты согнали туда несколько сот людей. Здесь их продержали несколько дней без пищи и воды. На четвёртый или на пятый день заключённым приказали выходить по одному во двор. У выхода их расстреливали одного за другим».

Ужасающие муки терпели заключённые Сырецкого концлагеря. Немцы объявили Сырец запрещённой зоной. Каждого киевлянина, который осмеливался самовольно переступить границу этой зоны, убивали на месте.

Начальник смены киевской фабрики головных уборов Островский Леонид, электромонтёр Будник Д. И., столяр Долинер Леонид, штамповщик Гавриленко Георгий, которые вырвались из Сырецкого концлагеря, рассказали, что все, попавшие в этот лагерь, были обречены на смерть.

Штурмбаннфюрер Радомский, садист и пьяница, и его помощник Ридер, орудовавшие в этом лагере, всячески изощрялись в уничтожении советских людей. Они, например, «изобрели» такой способ убийства: одних заключённых заставляли взбираться на дерево, а других — подпиливать его. Люди падали вместе с деревом и разбивались. Иногда Радомский собирал всех заключённых, проходил по рядам, выводил из строя человек 25 и тут же расстреливал их. За малейшую «провинность» заключённому давали 300—400 палочных ударов, что было равносильно смертному приговору. Время от времени в лагере проходили массовые расстрелы: убивали каждого десятого, каждого пятого и т. д.

Заключённых гоняли на кладбище разгружать прибывавшие туда «душегубки». Немцы приказывали заключённым выносить полуживые тела, раздевать их и складывать одежду. Затем работавших на разгрузке «душегубок» расстреливали.

В Сырецком концлагере долгое время находились в заключении известные стране киевские футболисты-динамовцы: Трусевич, Клименко, Кузьменко и другие. 24 февраля 1943 г., как рассказывает бывший заключённый Георгий Иванович Гавриленко, на глазах у всего лагеря при очередном массовом расстреле были убиты и футболисты.

Десятки тысяч советских людей, заключённых в лагере, погибли от пуль и штыков; десятки тысяч умерли голодной смертью.

Когда человек попадал в лагерь, у него отнимали одежду и обувь. Полураздетых заключённых держали под открытым небом даже зимой. Когда смеркалось, людей под угрозой смерти заставляли ложиться на влажную холодную землю. Заключённые располагались кругом, тесно прижавшись друг к другу, а наутро они относили много окоченевших трупов своих товарищей в могилу.

Из лагеря было два пути: первый — смерть от пули или голода, холода и непосильной работы и второй — в немецкую каторгу.

Чем ближе к Киеву продвигались советские войска, тем больше свирепствовали гитлеровские головорезы. В Бабий Яр всё чаще прибывали «душегубки». Из них сначала слышались крики, стоны и, наконец, предсмертное хрипение. Тогда открывали дверцы и полуживых, ещё тёплых, покрых от пота людей выносили из машины, раздевали догола, укладывали штабелями на специально изготовленные печи и сжигали. Сначала «душегубка» ходила в Бабьему Яру на рассвете каждый вторник и каждую субботу, а последнее время, перед бегством немцев из Киева, — четыре раза в неделю.

В 1943 г. немцы решили «замести» следы своих преступлений прежде всего в Бабьем Яру. 18 августа в концлагерь на Сырце прибыла большая группа эсэсовцев. Немцы отобрали 100 человек пленных, заковали их в кандалы и под усиленным конвоем отправили в Бабий Яр. Там их разделили на несколько групп, выдали им резиновые сапоги, фартуки, рукавицы, вилы и лопаты. Наблюдать за каждой группой поставили эсэсовцев. Вокруг Бабьего Яра была установлена трёхкилометровая зона, куда населению входить запрещалось. После этого немцы заставили пленных откапывать трупы. Чтобы ускорить работу, применили экскаватор.

Специально выделенные немцами команды старательно

осматривали трупы, снимали с них серьги и кольца, в
рывали из челюстей золотые зубы. Потом пленных з
ставляли оттаскивать баграми трупы в сторону и сбрас
вать в кучу. С теми, кто работал медленно или тер
сознание, расправа была короткая — расстрел.

На место раскопок немцы привезли с кладбища гр
нитные памятники и железные ограды и построили сво
образные крематории. Из памятников делали фундамен
на который клали железные рейки; на них помещали, к
колосники, железные ограды, дальше — слой дров,
дрова — слой трупов. Трупы складывали в штабеля вп
ремежку с дровами, обливали их бензином или нефт
и сжигали. Потом снова настилали сосновые колод
клали на них трупы и жгли, жгли без конца. Сжига
тщательно — так, чтобы перегорали и кости.

Свидетели Л. К. Островский, С. Б. Берлянд, В. Ю. Д
выдов, Я. А. Стеюк, И. М. Бродский, бежавшие от ра
стрела, показывают: «За время с 18 августа по де
нашего побега — 29 сентября было сожжено, примерн
семьдесят тысяч трупов. Здесь же сжигались и вно
привозимые трупы мужчин, женщин и детей, убит
в газовых автомашинах».

На протяжении полутора месяцев днём и ночью пыла
костры. Удушливый смрад окутывал всю Лукьянов
Кости сожжённых трамбовками разбивали на мел
части, пепел смешивали с землей и рассеивали по Я
чтобы не осталось никаких следов.

28 сентября, после окончания работ, пленных, котор
работали на раскопках, заковали, как всегда, в канда
Ночью с помощью спрятанных инструментов им удало
снять кандалы. Перебив стражу, они бросились бежа
Многих немцы расстреляли сразу же при побеге, к
кого поймали и расстреляли потом. Но некоторым
же удалось спастись, и они рассказали обо всех э
преступлениях гитлеровцев.

Накануне бегства из Киева немцы ворвались в с
рожку на Лукьяновском кладбище и схватили всю сем
сторожа Луценко, чтобы уничтожить живых свидете
того, что творилось на кладбище. Погибла старшая до
Луценко Анна, внуки Анатолий и Люда. Но само
Луценко с женой и двумя младшими дочерьми удало
спастись, и они также рассказали о трагедии в Баб
Яру.

Оккупанты расстреляли и замучили в Киеве ок

0 тыс. советских граждан — женщин, детей и стариков. сятки тысяч невинных людей замучены и расстреляны посёлках пригорода. В Дарнице обнаружены колодцы, верху заполненные трупами убитых детей. Удирая из ева, немцы загнали тысячи жителей Дарницы, Брова-в, Предмостной Слободки на Наводницкий мост, а потом рвали его.

На протяжении всей своей тысячелетней истории Киев ё не видел таких чёрных дней. Со времени основания рода киевляне не испытывали такого горя, таких стра-ний и надругательств, какие им пришлось испытать и немецких оккупантах.

ГРАБЕЖИ, ГОЛОД И ЭПИДЕМИИ

Ворвавшись в город, гитлеровцы на следующий же ень издали приказ о сдаче населением немецкому коман-рованию всех «излишков» продовольствия. Разрешалось ставлять «запасы» только на 24 часа. За неисполнение риказа — расстрел.

Вслед за этим начались повальные обыски во всех мах. Немцы вытаскивали из квартир всё, что попадало д руку: обувь, одежду, бельё, посуду, продукты. Не езговали абажурами, пепельницами и даже детскими рушками. Вещи, которые им были не нужны, рубили пором. Часто немцы, будто бы в поисках мин, выгоняли дей из квартир, а затем вытаскивали пожитки и раз-зили их в машинах и на тачках к себе на квартиры.

Управляющим домами и дворникам было приказано реписать имущество всех жителей Киева. Часть его тлеровцы забирали себе, остальное завозилось на лады. Один из таких складов помещался на Некрасов-кой улице, в здании школы № 38. Четырёхэтажный дом л заполнен награбленным добром. Весь первый этаж мцы отвели под продовольствие — хлеб, консервы, хар, масло; на втором этаже сложили белье; на етьем — одежду; на четвёртом — самые ценные вещи: резы дорогого сукна, меха, часы. К школе ежедневно дъезжали автомашины: одни привозили награбленное, другие забирали вещи и везли на дезинфекцию в Жилян-кую баню, а потом на вокзал для отправки в Германию. а легковых машинах приезжали сюда гестаповцы офицеры, всходили на четвёртый этаж и брали себе то хотели.

В грабежах немцы перещеголяли самых отъявлен бандитов. Бандит, как правило, грабит ночью, немец и среди белого дня. Преступники, одетые в воен форму, сдирали на улицах с прохожих пальто и сап вынимали из карманов и снимали с рук часы.

Грабили солдаты, офицеры, грабили и «учёные». Т в квартире архитектора Алёшина поселился доктор М лерейгерт, хваставшийся дипломом Гейдельбергского у верситета. Свою «научную деятельность» в Киеве он на с распродажи мебели и вещей, принадлежащих Алёш Удирая из Киева, этот «учёный муж» снял в кварт люстры, отвинтил замок с двери, забрал персид ковёр.

Стремясь выудить у киевлян припрятанные ими ве оккупанты пошли на провокацию. Они объявили об отк тии комиссионных магазинов, где население будто может выгодно продать свои вещи. Но пожитки, при сённые доверчивыми людьми на сборные пункты, бы конфискованы.

Затем немцы стали собирать среди населения одеж и обувь будто бы для военнопленных красноармейц «Нове украінське слово» 30 октября 1941 г. помест статью с призывом приносить пожертвования для «пл ных и раненых братьев украинцев».

Это, разумеется, была также одна из форм грабе Вещи обманутых киевлян немцы брали себе.

Затем гитлеровцы приступили к более «организов ным» грабежам. В январе 1942 г. управдомам была д определённая развёрстка и распоряжение собрать немецких солдат одежду, обувь, кожухи, валенки, шап свитеры и одеяла.

Награбленное государственное и личное имущество селения вывозилось в Германию. Солдаты и офицеры сылали домой украинские полотенца, бельё, одеж обувь. Вывозили даже мебель: диваны, кровати, шка пианино, зеркала.

На Галицком, Лукьяновском, Куренёвском, Шулявск Бессарабском, Владимирском, Соломенском, Демиевс базарах и в других местах немцы организовали при ные пункты для сбора металлических изделий. Киев заставляли нести сюда самовары, вазы, металличес статуи, письменные приборы и разные безделушки. П леровцы объявили, что металлические вещи принимаю за плату. Но плата была такой, что никто не хо

одавать» вещи оккупантам. Тогда немцы прибегли грозам.

октября 1942 г. СС оберштурмбаннфюрер Шпацель бликовал распоряжение: «12 августа 1942 г. имперский оводитель дал указание, на основании которого всё ото, серебро и другие благородные металлы и все ные вещи без исключения должны быть изъяты и на-влены обергруппенфюреру Поль». В газете «Нове аінське слово» от 7 ноября 1942 г. появилось такое явление: «Все металлические изделия, которые нахо-ся в руках населения, нужно сдать до 30 ноября 2 г. по объявленным в своё время ценам на один из еуказанных пунктов (далее шёл перечень двадцати ёмных пунктов. — *К. Д.)*. Все несданные металличе-е изделия будут подлежать конфискации. Штадтко-сар». И киевляне вынуждены были отдавать немцам ные вещи.

Грабёж узаконен немецкими властями. Это один из ме-ов «вдохновления» немецких солдат. Фашистские вер-оды обещали богатую наживу в войне против СССР только немецким солдатам и офицерам, но и их семьям. неудивительно, что письма из Германии солдатам фицерам были полны «заказами» от немок.

Для немецкого солдата-грабителя очень характерна мятка» солдата Генриха Мейера, попавшая в руки етского командования. В таблице, аккуратно написан-Мейером на гербовой бумаге, отмечено, что именно о раньше всего «приобрести». В первой графе — му» — идёт перечень: папе, маме, Ирме, Лотте, Энрику. второй графе — «обувь» — отмечен размер, на каком луке, с каким носком. Так же подробно отмечено всё других графах. Читая таблицу, можно подумать, что т фриц ехал на ярмарку.

Немецкие грабители обобрали киевлян с головы до ног. евлянин И. Ф. Логвиненко рассказывает: «Киев был отвым городом. Кроме немцев и «полицаев», на улицах ло кого можно было встретить из прохожих. Если о и приходилось видеть, то большей частью стариков инвалидов. Киев превратился в город нищих. Худые опухшие от голода, оборванные люди блуждали по цам и квартирам, прося милостыню. Но никто ничего не давал, ибо немцы всех ободрали».

На протяжении первых месяцев оккупации киевлянам выдавалось ни грамма хлеба. Через несколько месяцев

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

блюстители «нового порядка» установили для жите
голодную норму хлеба — 50—100 граммов в день.
и эти жалкие крохи доставались киевлянам с больш
трудом и перебоями. Собственно, настоящего хлеба ки
ляне и не видели: так называемый «хлеб» выпекался
разных суррогатов.

Горожане вынуждены были обменивать на продук
питания последние свои вещи. Но не всегда и это у
валось: ограбленные крестьяне не могли удовлетвор
спрос городского населения на продовольствие,
и боялись приезжать на базар, опасаясь, что гитлеров
схватят их и отправят на каторжные работы в Гер
нию. На базарах вывешивались объявления, что за т
говлю без разрешения виновные будут наказаны — за э
полагалось от 20 до 50 ударов шомполами. Пользуя
этим, немецкие солдаты выходили на базар и обира
крестьян. Часто они ловили крестьян по дороге и от
мали у них продукты.

Киевляне ходили в отдалённые глухие села, чтобы т
раздобыть кусок хлеба. В холодную зиму 1941/42 г. мно
голодных и полураздетых людей, отправившихся за пр
дуктами, замёрзли в дороге.

Но вскоре немцы лишили киевлян возможности ходи
и в сёла: выезд из города без пропуска был запрещ
В постановлении № 21 от 26 марта 1943 г., подписанно
городским головой Киева, говорилось: «Лица, выезжа
щие из города Киева без предварительной регистра
в районной управе на срок более двух дней и не пода
шие домоуправлению перед отъездом справки райо
управы о регистрации выезда, — теряют право на жил
площадь по окончании двухдневного срока со дня от
езда». Имущество этих людей также расхищалось г
леровцами.

Кроме того, специальным распоряжением ограничив
лось количество продуктов, которые можно было име
при себе в дороге. «Нове українське слово» помести
2 августа 1942 г. следующее сообщение полиции: «
всех путях, ведущих в город или из города, полиц
должна изымать все продукты, которые превышают кол
чество, необходимое для обыкновенного дневного питан
Это изъятие проводится по приказу высшей инстанци
Все изъятые продукты сдаются гебитскомиссару. Слу
о том, что полиция пользуется ими, являются злостно
клеветой. Также совсем неправильно упрекать за изъят

продуктов полицию и ругать её (очевидно, возмущение киевлян давало себя знать. — *К. Д.*); эти меры окончательно должны быть проведены в жизнь, поскольку это идёт на пользу общему делу». Далее перечислялось, что можно иметь при себе в дороге: не более одного килограмма хлеба, 1 литра молока и т. д.

«Кто же будет нести при себе больше, — предупреждала полиция, — будет сурово наказан, а продукты конфискованы так же, как и транспортные средства, служившие для перевозки этих продуктов».

Однажды по дороге в Киев шло несколько женщин. Завидев издали немцев и боясь, что они отнимут все продукты, женщины повернули назад. Тогда гитлеровцы спустили им вдогонку своих овчарок. Собаки искусали женщин и изорвали на них одежду, а гитлеровцы забрали все продукты.

В городе открылось несколько магазинов и ресторанов. На дверях висели таблички: «Только для немцев». Работало ещё несколько частных кафэ и столовых, но для местного населения они были недоступны.

В газетах объявлялось. «Киевский паевой коммерческий союз украинских купцов «Универсал» начал свою работу. Идёт приёмка магазинов...» Но ни магазинов, ни товаров для населения не было. Домашние хозяйки бродили по улицам с пустыми кошёлками. Купить соли, керосину или спичек было невозможно.

Немецкие и венгерские солдаты выносили на базар спички будапештского происхождения, зажигалки, сигаретки и сахарин, продавали вещи, награбленные у киевлян, при этом всячески обманывая население.

По улицам бродили нищие. Часто можно было видеть, как дети переносили на своих худеньких плечах или перевозили на тачках огромные чемоданы и другие вещи немецких офицеров. Дети надеялись получить за работу кусок хлеба, но получали в лучшем случае вонючую «Гитаретку».

Инспектор детских садов Петровского района Киева М. Осадчая, пережившая оккупацию города, рассказывает: «Трудно себе представить, сколько детей умирало от голода, сколько их ходило по улицам голых, голодных, стараясь раздобыть хоть кусочек хлеба, того ужасного хлебного эрзаца из просяной половы, который в ничтожном количестве выпекался для населения».

В Борисполе помещалась немецкая фирма «Курцер-

Генинг», где работало около 500 рабочих разных сп
циальностей. Много было там и киевлян. Жили рабочи
в бараках, на голодном пайке: они получали 200 граммо
эрзац-хлеба и один раз в день отруби, сваренные н
воде. М. Я. Геренрот, работавший тогда в Борисполе
рассказывает: «Однажды немец — заведующий столовой
вызвал меня, рабочих Марченко, Хитова и други
и велел ехать с ним на автомашине в поле. Немец пр
казал нагрузить на машину дохлую, уже червивую ло
шадь, которая валялась на дороге. Этой падалью и ко
мили рабочих».

В городе свирепствовал тиф, но населению не оказыва
лось никакой медицинской помощи. Не было и медика
ментов. Немцы закрывали одну больницу за другой. Лето
1942 г. закрыли старейшую больницу города — Октябр
скую — со всеми её отделениями. Многих врачей гитл
ровцы вывезли в Германию, а остальных разогнали
Имущество больницы разграбили. Такая же участь п
стигла и другие больницы. На весь большой город фун
ционировала только одна больница — на Шулявке.

Профессор Михаил Венцковский, переживший дн
оккупации Киева, рассказывает:

«Немцы стремились систематически уничтожать наш
людей, подтачивать их здоровье, максимально снижа
жизненный уровень и, использовав их как бесплатну
рабочую силу, бросить на произвол судьбы. Это,
сути, и был «новый порядок», вводимый немцами
Киеве.

...Гитлеровцы заставляли женщин-украинок выполня
самую тяжёлую работу — носить на себе рельсы, уго
камни, копать землю. 50—60 процентов больных женщ
жаловалось на кровотечения, на серьёзные женские заб
левания, как результат тяжёлой, непосильной работы.

С холодным равнодушием смотрели оккупанты на в
мирание населения Киева от голода и болезней. О
делали всё, чтобы смертность прогрессировала».

Врач Валентин Петров рассказывает: «Как врач, я
время оккупации был свидетелем того, как наша инте
лигенция, интеллигенция огромного культурного центр
была обречена на голод, прозябание. Ко мне обращали
сотни людей, опухших от голода. Чем я мог им помо
что мог им посоветовать, когда я сам продавал ве
и голодал? Я видел сотни больных, которые умирали б
лекарств, без настоящего ухода, но я сам едва спас

смерти свою жену, больную тифом, пряча её, ибо варвары-немцы расстреливали больных тифом».

От голода и разных эпидемий в Киеве ежедневно умирали сотни людей. Вымирали целые семьи. Погибали люди, известные всему городу: так умерли профессор Кобелев, выдающийся геолог профессор Червинский, доктор технических наук А. А. Киров, доктор технических наук Чернобаев и многие другие.

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ УГОН КИЕВЛЯН НА НЕМЕЦКУЮ КАТОРГУ

На протяжении всего периода оккупации Киева немцы беспрестанно вывозили людей в Германию. Уже в первые дни оккупации города в помещении Художественного института была открыта «биржа труда». Всему трудоспособному населению немцы приказали зарегистрироваться на этой бирже и ежедневно приходить отмечаться. За неявку грозили расстрелом. Управляющие домами должны были выявлять безработных и посылать их на биржу.

Кое-кто из населения, не имея работы и боясь угроз, зарегистрировался на бирже. Немцы вывезли их принудительно на каторгу в Германию. Биржа была настоящим невольничьим рынком.

По указанию фашистов подлые изменники — украинско-немецкие националисты выступали в печати с демагогическими призывами к населению: «Надеяться на ликвидацию безработицы и тяжёлого материального положения,— вопили эти предатели, — не приходится, а поэтому единственный выход — это ехать на работу в Германию».

Но киевляне не внимали этим продажным писакам. «Вербовка» срывалась. Немцы издавали постановление за постановлением. 9 октября 1942 г. «Нове українське слово» напечатало «сообщение штадткомиссара», где говорилось: «На основании параграфа 2 и 4 трудовой повинности от 19 декабря 1941 г. все бездетные женщины в возрасте от 16 до 45 лет, проживающие в Киеве, а также женщины указанного возраста, которые имеют детей старше 16 лет, должны явиться на пункт по набору рабочей силы для Германии — 1 школа, Некрасовская 2... являться с вещами для немедленного отъезда в Германию».

Различным учреждениям, мебельной фабрике и другим предприятиям предлагалось набрать в ближайшие дни

минимум 7 тыс. рабочих, которые должны быть отпра
лены в Германию. «Руководители учреждений, — гово
лось далее в сообщении, — обязаны позаботиться о в
полнении этого распоряжения — приказа фюрера
21 марта 1942 г.».

Как видно, сам «фюрер» дал установку сначала выло
мужчин, потом бездетных женщин, далее детей, а затем
всех подряд и отправить на немецкую каторгу.

На немецкую каторгу гнали советскую интеллигенц
20 апреля 1942 г. было опубликовано объявление, в ко
ром предлагалось врачам «явиться к доктору Яницко
на пересыльный пункт — Львовская № 24». Немцы вы
зили на каторгу врачей, учителей, инженеров не толь
потому, что им нужна была рабочая сила. Они старали
лишить украинский народ его интеллигенции, физичес
уничтожить наиболее образованных и талантливых
представителей, носителей передовой мысли и культур

Биржа неспособна была удовлетворить спрос немцев
рабочую силу. Несмотря на угрозы и репрессии, тыся
людей обходили биржу, не слушали лживых призыв
газет и радио. Немцы бесились, устраивали облавы, о
тились на людей. Вооружённые полицейские неоднократ
окружали улицы, площади, базары и забирали всех му
чин и женщин. Часто ночью раздавались крики: это нем
устраивали облавы по квартирам. Облавы производил
в кино и даже в бане.

На кондитерской фабрике, где хозяйничал немец Ю
немцы предложили 80 девушкам явиться для отпра
в Германию. На сборный пункт явилось только 8, а оста
ные не вышли даже на работу. 18 марта 1943 г. нем
окружили фабрику и стали хватать всех работниц по
ряд. Во время этой облавы несколько девушек прыгну
с 3-го этажа и разбились. Одна из них, стараясь у
жать, хотела спуститься по водосточной трубе, но упа
и разбилась насмерть.

Население прибегало к различным хитростям, что
избежать угона в Германию. Раздирали кожу щётка
или суконкой и смазывали керосином или рассолом с ук
сом, чтобы вызвать сыпь. Женщины приписывали се
в паспорта детей, а идя на комиссию брали их у сосед
Киевляне подделывали также паспорта — увеличивали
уменьшали себе возраст, подкупали полицейских. В по
ции и на комиссии вначале можно было за 3 тыс. р
лей освободиться от поездки. В последнее время «так

езвычайно возросла — нужно было платить уже 15 тыс. блей.

Киевляне получали на дом повестки с лаконическим кстом: «Явиться на Львовскую № 24 в 8 часов утра вещами».

На воротах дома № 24 по Львовской улице висела льшая доска с надписью на немецком и украинском ыках: «Штаб набора рабочей силы в Германию. Киев— раина. Пересыльный лагерь». Фашистские рабовла-льцы гнали сюда пойманных людей из разных областей раины.

Мария Ивановна Мартыненко, которая проживала во оре этого дома, рассказывает:

«Нельзя передать, что здесь было. Сюда сгоняли девук и юношей, даже детей. Устраивали облавы на базах, забирали людей из квартир. Невольников отправляли вокзал каждое утро, а последнее время — в три часа ни. Начальником лагеря был немец Краузе — не челоа, а зверь. Люди тут голодали, спали на голом цементи полу, их били палками, сажали в камеры. Кто сюда дил, тот прощался с жизнью».

На стенах казарм, где находились невольники, остаь множество надписей, красноречиво выражающих наоения томившихся здесь людей. Девушки из села Миовки Киевской области — Дрыга Катя, Запорожец стя, Кузьменко Нина, Коваль Мария и другие, попаве в пересыльный лагерь, 12 августа 1943 г. сделали пись: «Кто прибудет сюда из села Мироновки, тот ть прочтёт наши имена и помнит нас, ибо мы уже не нёмся».

Девушки из села Красное, Згуровского района Полтавй области, написали: «Прощайте, наши товарищи, не адайтесь сюда, выкручивайтесь. Бывайте здоровы, раинские люди! Выехали 31 августа 1943 г. Сидели две ели».

1 ноября 1943 г. Струк Василий написал на стене: 60 километрах от Киева по той стороне Днепра село инка. Было там 1 500 дворов и населения 6 тыс. мцы всё село сожгли, а невинных людей гонят в Гериию на вечную каторгу и муку. Люди эти пострадали инно, их тут всех мучают, бьют и голодом морят. огда не было, чтобы людей так пытали. Ох и бьют, клятые гады!»

Загнанные сюда юноши и девушки мечтали о побеге.

На стенах остались надписи: «Тут сидели девушки на з окне и думали, как удрать домой. Да здравствует р ной дом».

«Да сгинет Гитлер со своей сворой. Скоро пр время, когда Гитлер будет висеть на гиляке со сво собаками».

Ежедневно оккупанты гнали невольников на вок грузили, как скотину, в товарные вагоны, пломбиро двери, закручивали проволокой люки и под конвоем правляли в Германию. В паспортах записывали «до вольно» и вкладывали в него листок «правила пов ния». Едущие в Германию не имели права поддержи между собой связь. Даже мужа и жену разлучали, з щали им разговаривать между собой. Нарушение пр поведения каралось расстрелом.

На вокзалах плакали дети, остающиеся на прои судьбы, плакали матери, которых вывозили на чужб разлучая с детьми, а немецкий духовой оркестр и старяясь заглушить этот плач.

На заводе «Большевик» до войны работала инстру тальщицей Оксана Титаренко. Во время эвакуации з она лежала в больнице и не смогла выехать на во Немцы её забрали и под конвоем погнали на вокзал, бы отправить в Германию. Когда Оксану гнали по Б Литовскому шоссе, Степановской и другими улиц сзади бежал восьмилетний мальчик, горько плакал и её. Оксана несколько раз пыталась вырваться, но воины подталкивали её прикладами, и пленница, р шла вперёд. Так и не попрощалась она со своим с Толей. Через несколько дней мальчика видели на вок Он собирал там брошенные немецкими солдатами ёдки, затем блуждал на Галицком базаре, а вскоре и сем исчез.

Сотни осиротевших и бесприютных детей бродил городу. Киевляне часто подбирали на улицах трупы призорных малышей, родители которых были уве в Германию.

С апреля 1942 г. гитлеровцы начали отправлять в манию подростков в возрасте от 14 лет. Однажды собрали юношей и девушек на Львовской улице. Ма с опухшими от слёз глазами пришли попрощаться с д ми. Но немцы окружили квартал, выставили пикеты кого к подросткам не допускали. Всех, кто старался то прорваться и посмотреть в последний раз на с

детей, гестаповцы били прикладами. Некоторых забили насмерть.

Затем гитлеровцы переписали и начали отправлять на немецкую каторгу и десятилетних ребят. Днём и ночью под стражей оккупанты гнали детей и подростков, подстёгивая их нагайкой. В поезде дети с глазами, полными ужаса, цеплялись руками за решётки закрытого вагона. Ещё долго после отхода поезда слышался детский крик.

Свыше 100 тыс. киевлян было вывезено на немецкую каторгу.

Один киевлянин, которому посчастливилось бежать из Мюнхена, рассказывает, что он работал у хозяина, ведавшего канализацией. Было там ещё триста рабочих-украинцев. Работать приходилось по 14—16 часов в день. От тяжёлой, противной работы и голода люди теряли сознание. Хозяин изготовлял мыло из жировых отбросов, попадавших в канализацию. Однажды рабочие собрали 5 ведёр этих отбросов; три ведра они спрятали, а потом пережарили и съели.

Девятнадцатилетняя киевлянка Рая в своём письме к родственникам писала, что у неё забрали всю одежду и оставили совершенно раздетой. Её, голодную, заставляют выполнять тяжёлую, непосильную работу. Три её подруги не выдержали всех издевательств и повесились, две сошли с ума. Свой рассказ Рая кончает словами: «Если вы меня не освободите, я тоже скоро сойду с ума».

Несколько месяцев рабского труда в Германии делают из человека инвалида. Люди теряют зрение, руки или ноги, заболевают туберкулёзом.

Немало киевлян немцы вывезли на каторгу уже в последние дни своего пребывания в Киеве. Их не везли уже даже в «телячьих» вагонах, а гнали, как скот. Старики, подростки и женщины — голодные, оборванные и босые — шли под конвоем немцев в неведомый край, навстречу смерти.

РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДА, ЕГО КУЛЬТУРНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Едва вступив в Киев, берлинские факельщики в лютой ненависти ко всему советскому стали разрушать столицу Советской Украины. Пожары охватили целые улицы и кварталы. Чёрный дым пожаров окутал Киев. Древний город-красавец с его величественными зданиями, тени-

стыми аллеями и парками, город вузов, библиотек, памят-
ников культуры на глазах населения превращался в раз-
валины.

Любимая улица киевлян, центральная магистраль горо-
да — Крещатик — славилась не только прекрасными жи-
лыми домами. Здесь помещалось большинство кинотеат-
ров города, главный почтамт, гостиницы, рестораны,
магазины.

С неописуемой яростью лютовали здесь фашистские
варвары. Они заранее выселили отсюда всех жильцов
и несколько дней грабили и вывозили из государственных
учреждений и квартир разное добро, разбивали мебель,
стреляли в зеркала. Ограбив квартиры, оккупанты взор-
вали дома и разрушили всю улицу. На всём протяжении
от площади Калинина до Крытого рынка на месте краси-
вых многоэтажных зданий остались только покрытые
копотью стены и бесформенные груды железа и кирпича.
Чтобы замести следы своих преступлений, гитлеровцы
пытались спровоцировать население: разрушение Креща-
тика они хотели приписать партизанам. Эта наглая клевета
послужила поводом для расстрела десятков тысяч киевлян.

Вандалы жгли и разрушали улицы, прилегавшие к Кре-
щатику. Тех, кто пытался тушить пожары, расстреливали
на месте. За несколько дней была разрушена улица
Свердлова от Крещатика до Пушкинской, улицы Энгельса
и 25 Октября от Крещатика до Банковской, улица Карла
Маркса. Гитлеровцы взорвали помещение цирка, здание
драматического театра Красной Армии, сожгли со всем
оборудованием Театр юного зрителя им. Горького, Еврей-
ский театр, консерваторию, в которой сгорели инстру-
менты, богатейшая библиотека и всё оборудование, раз-
рушили театральный институт, гостиницу «Континенталь».
Главный почтамт, Дом обороны и много других прекрас-
ных зданий.

За время оккупации города фашистские варвары раз-
рушили, сожгли и разграбили большинство медицинских
учреждений: сожгли коклюшную больницу, детскую ин-
фекционную больницу на Кловском спуске, больницы
в Дарнице и Слободке; разрушили детскую больницу на
Дегтяревской улице, взорвали и разрушили три родиль-
ных дома, четыре женских и детских консультации, молоч-
ную кухню, 17 детских яслей, четыре поликлиники; вы-
везли имущество Железнодорожной, Октябрьской и дру-
гих больниц.

Немецкие вандалы разрушили четыре дворца культуры, сем учителя, все лучшие кинотеатры и клубы.

Трудно перечислить всё разрушенное и уничтоженное немцами.

Город-красавец превратился в пустыню. Высокой густой травой зарастали площади. Глубокими выбоинами покрывались чудесные асфальтированные улицы. Приходили в негодность оставшиеся в целости дома. Немцы не только не ремонтировали их, а, наоборот, разрушали. Они ободрали стены прекрасного здания Верховного Совета Украинской ССР, оборвали панели, кожаную и матерчатую обивку, вынули дорогое рубиновое стекло из куполов. Один только скелет остался от дома, где помещался Центральный Комитет КП(б)У; оккупанты выломали мраморные плиты, двери, рамы, сняли дубовый паркет и даже крышу и всё это увезли в Германию.

Немецкие оккупанты разрушили и сожгли свыше тыс. лучших домов. Свыше 200 тыс. жителей Киева лишились крова. Немцы разрушили 940 зданий государственных и общественных учреждений площадью около млн. квадратных метров. За время оккупации разрушено выше 800 промышленных предприятий.

Лучшие дома, оставшиеся неразрушенными, немцы заняли для себя, а население выгнали на окраины города— Подол, Куренёвку, Труханов остров или выселили сырые и тёмные подвалы. Военная комендатура реквизировала все гостиницы, школы, институты, рестораны, ловые, магазины. На этих домах были вывешены таблички с надписями: «Реквизировано для немецкой армии. ход запрещён. За нарушение — расстрел».

По городу пестрели надписи: «Только для немцев», Украинцам вход воспрещён», «Кино только для немцев», Клуб только для немцев».

Живописнейший уголок Киева — Липки — с его многоэтажными новыми зданиями был заселён немцами. Там мещались немецкий, венгерский и румынский штабы, немецкая разведка. В бывшем Дворце труда по улице Коленко помещался штаб гестапо, в доме Совнаркома — Центральное торговое общество для Востока», в доме Академии наук УССР — городская управа и главное управление полиции. Отдельные дома были переданы в собственность немецким генералам и другим военным чинам. Лучшие квартиры заселили немецкие чиновники, которых развелось в Киеве бесчисленное количество.

Из Киева, как и из других городов, оккупанты выве в Германию все станки, оставшиеся на отдельных за дах, трамвайные вагоны, троллейбусы и другое промы ленное и коммунальное оборудование.

В городе немцы пустили в ход только несколько м ких предприятий и отдельные цехи заводов, нужные для военных целей. Продукция консервной фабрики, дро жевого завода шла на нужды немецкой армии и выво лась в Германию. Открыто было несколько пошивочн мастерских, парикмахерских. Частные хозяйчики откры «заведения» для обслуживания немецких войск. Этим, существу, исчерпывалась вся экономическая жизнь Кие

Представители немецкого капиталиста Круппа, наж шего на войне огромные капиталы, приехали бы в Киев и расположились на территории кабельного заво Они надеялись нажить и здесь капиталы, используя ровую рабочую силу украинцев. Но вскоре, ограбив зав исчезли.

Замерла хозяйственная жизнь города. Умолкли гу заводов и фабрик, был парализован городской трансп Курсировали только грузовые трамвайные вагоны и сколько дежурных пассажирских. Киевлянам запрещал пользоваться трамваем.

Удирая под натиском Красной Армии из Киева, не не успели осуществить своих бандитских намерени снести с лица земли столицу Украины. Боясь полн окружения, немцы в панике бежали из города и не усп сжечь и взорвать его, как это было сделано с Полта и другими городами Украины. Но всё же оккупа нанесли городу огромный ущерб. Они разрушили маш строительные и металлообрабатывающие заводы «Бо шевик» и «Красный экскаватор», снабжавшие промы ленность, транспорт и сельское хозяйство машина инвентарём и запасными частями; взорвали, сожгли и р рушили всё путевое хозяйство крупнейшего железнодор ного узла Киев — Дарница, все станционные здания, д на станции Киев-II, паровозо-вагоноремонтный завод; взорвали железнодорожные мосты через Днепр и же нодорожные виадуки в городе; взорвали и сожгли строенные за годы советской власти крупные фабрик текстильные, прядильно-трикотажную, швейную им. Го кого, три обувные фабрики и другие.

Фашисты взорвали, сожгли и разрушили электрост ции и электросеть, трамвайный и троллейбусный па

допровод и канализацию, а также хлебозаводы и другие
едприятия, лишив население крупнейшего города воды,
ева, отопления, освещения и средств передвижения.
Гитлеровские вандалы разрушили культурные ценности
евней столицы Украины, которые столетиями создава-
сь предками талантливого украинского народа, его луч-
ими, наиболее выдающимися людьми. Оккупанты уничто-
ли или вывезли в Германию произведения классической
раинской литературы, древние памятники, уничто-
ли или превратили в казармы и конюшни школы, ин-
туты, библиотеки, дворцы культуры — всё, что так до-
го и близко сердцу украинца. Они хотели, чтобы ничто
напоминало украинцу о том, что он был свободным,
л по-человечески. Гитлеровцы старались вбить в головы
ветским людям, что они — только рабы немцев.
Культуру нагайки, грабежа, насилия и пожаров при-
ли Киеву оккупанты. Эмблема черепа и скрещённых
стей — вот символ всей гитлеровской идеологии и «куль-
ры». Вместо школ и клубов, библиотек и институтов
мцы открыли пивнушки и игорные притоны, где пьяные
рицеры просиживали ночи за картами.
До немецкой оккупации в Киеве было 150 средних и
чальных школ. 77 школ оккупанты заняли под казармы,
— под склады и мастерские, 2 — под воинские штабы
8 — под конюшни. В помещении педагогической школы
и также устроили конюшню, в школе № 2, в художе-
венной школе — солдатские казармы. В школе № 38 по-
щался склад награбленного у киевлян имущества.
Во всех школах были разрушены физические, естество-
дческие, географические и химические кабинеты, укра-
но учебное оборудование. Сохранилось только то, что
ителя спрятали и закопали в землю.
До вторжения немцев в средних школах Киева обуча-
сь 89 683 ученика. Фашисты закрыли все средние, педа-
ические школы и высшие учебные заведения. На учеников старших классов и на студентов охотились, как на зверей, и отправляли их на каторгу в Германию.
На каждом шагу украинцам хотели дать почувствовать, что гитлеровцы — «высшая раса», «господа». Но презрительное, враждебное отношение к украинцам не исключало демагогической болтовни о том, что немцы — «освободители», «носители европейской культуры». В немецкой прессе гитлеровцы называли украинский народ скотом, неспособным иметь своё государство, свою национальную

культуру, а в местных газетах они лебезили перед укр
инцами и задабривали их разными обещаниями на будуще
Фашистские мракобесы в немецкой печати заявля
что на Украине слишком много людей с высшим образов
нием, и поэтому нужно максимально сократить чис
высших учебных заведений. В местных же продажных г
зетах кричали об открытии институтов, помещали специал
ные объявления о наборе студентов. В действительнос
такие объявления были не только бесстыдной демагоги
а и ловушкой: молодёжь, желая избежать отправ
в Германию, старалась устроиться на учёбу в институт
Но те, кто приходил узнать об условиях приёма в и
ститут, попадался в лапы «вербовщиков».

Немцы утверждали, будто советский народ не мож
иметь своей культуры, следовательно и своей интеллиге
ции, будто культура есть и может быть только в их н
мецком «фатерлянде». Они терроризировали и угнета
украинскую интеллигенцию. Те советские интеллигент
специалисты с высшим образованием, которым удало
избежать немецкой каторги, вынуждены были работа
землекопами, конюхами, сторожами, дворниками, пра
ками, уборщицами. Выдающиеся учёные, люди, имена
которых гордилась советская наука, вынуждены были пр
бегать к любой работе, чтобы кое-как просуществова
Профессор математики Круковский продавал билеты
водной станции, доцент химии Страшкевич заведывал пр
чечной. Архитектору Алёшину, автору проекта дома Ак
демии наук и других замечательных зданий, немцы п
ручили спроектировать... конюшню. Профессор Чернобае
доктор технических наук, изготовлял спички, а его 70-ле
няя жена продавала эти спички на базаре. Академик Л
син делал пудру, соду, мыло, а его дочери ходили
200—300 километров менять этот «товар» на хлеб.

Учительница В. Засик рассказывает, что, оставшись б
средств к существованию, она вынуждена была работа
грузчицей на товарной станции. «Тяжело было, — говор
т. Засик, — выполнять непосильную работу, но ещё т
желее и невыносимее было терпеть издевательства и п
бои пьяного немецкого управляющего, видеть, как вокр
тебя мучаются и погибают лучшие представители сове
ской интеллигенции».

Много интеллигенции погибло от рук гитлеровцев. пог
70-летний врач-педиатр Дукельский, врачи Боярский, Л
зуренко, профессора Иванцов, Левицкий, Кучеренко и др

ие. Сотни образованных, квалифицированных людей вынуждены были нищенствовать.

Гитлеровские мародёры и разбойники не дорожили никакими историческими или художественными ценностями украинского народа, никакими, даже самыми драгоценнейшими творениями искусства. Они разрушали и грабили всё, что попадалось на глаза.

5 ноября 1943 г. немцы сожгли и взорвали один из старейших центров украинской культуры — Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко. В огне погибли редчайшие культурные ценности: материалы исторического архива, древних актов, библиотека с фондом свыше 1 300 тыс. книг, зоологический музей университета, который имел свыше 2 млн. экземпляров экспонатов, и целый ряд других музеев (зоо-анатомический, анатомический, ботанический, общей биологии, минералогии, палеонтологии, петрографии); погибли 20 университетских лабораторий, 18 специальных кабинетов и мастерских.

В научно-исследовательских институтах немцы ограбили библиотеки, архивы, лаборатории. Из медицинского института вывезли в Германию научные материалы, документацию и книги, сложнейшие приборы: микропроекционные аппараты, микроманипуляторы, микроскопы и другое точное медицинское оборудование стоимостью в десятки миллионов рублей. Украденные ценности были отправлены в Берлин на склады торговой фирмы Адлер.

В своей речи на общегородском митинге киевлян 7 ноября 1943 г. сотрудник Академии наук доцент Марковский говорил: «Мы знаем, что немцы вывезли из Киева в Германию приблизительно около 700 тыс. книг; сожгли в печах, растащили и вообще уничтожили во время своего хозяйничанья в Киеве около 600 тыс. книг и сожгли во время отступления 2 млн. 500 тыс. книг. Таким образом и так называемые «культуртрегеры» уничтожили и вывезли из Киева около 4 млн. книг. Это знаем мы, а фактически книг погибло, конечно, гораздо больше».

Библиотека Академии наук УССР была одним из богатейших книгохранилищ мира. Здесь хранились ценнейшие сокровища. Библиотека имела много уникальных изданий, проводила огромнейшую работу в разных отраслях книговедения. Библиотека владела огромными книжным и газетным фондами, редчайшей коллекцией афиш и плакатов, огромной нототекой.

Гитлеровские дикари, заняв подсобные помещения ака-

демической библиотеки под казармы, заворачивали се лёдки и колбасу в архивные акты, сдирали перламутровы оправы со старинных евангелий, жгли в печах карточк каталогов и уникальные экземпляры книг. Лишь из это библиотеки гитлеровцы вывезли в Германию более 320 ты ценнейших и уникальных книг, журналов и рукописей. Он выкрали редчайшие рукописи персидской, абиссинской, к тайской письменности, русские и украинские летописи, ред кие издания произведений Шевченко, Мицкевича, Иван Франко, первые экземпляры книг, напечатанных русски первопечатником Иваном Фёдоровым.

В помещении Наркомпроса находилось большое количе ство книг из библиотек институтов литературы, истори языковедения и других. Осенью 1941 г. немцы устроил в этом помещении казарму для своих солдат. Редчайшим изданиями по востоковедению, истории, философии гитле ровцы отапливали помещения; значительную часть кн выбросили во двор, где они долго валялись, гнили по открытым небом, под дождём, в грязи. Так погибло свы 100 тыс. редких книг, в частности книги из личной библ отеки академика Крылова.

Оккупанты ограбили и вывезли в Германию ценности музеев Киево-Печерской лавры, украинского искусств русского искусства, западного и восточного искусств Центрального музея им. Шевченко, исторического музе Вывезены картины, этюды, портреты, написанные Реп ным, Верещагиным, Федотовым, Ге, скульптуры работ Антокольского и другие произведения выдающихся ру ских и украинских художников и скульпторов.

Из музея русского искусства вывезены картины Мако ского, Куинджи, Киселёва, картина Флавицкого «Княжн Тараканова» и ряд других ценных работ русских мастер XVIII—XIX столетий.

В музее украинского искусства уничтожены почти в коллекции народного искусства (вышивки, ткани, кер мика, резное дерево). Вывезены экспонаты художестве ных коллекций, картины, оружие, фарфор, выкраден архивные документы, уникальные реликвии, материалы р копок. Из 41 тыс. экспонатов отдела народного искусст осталось только 1 900.

Гитлеровцы вывезли украинскую посуду XVIII, XIX начала XX столетий, и в том числе образцы работ крупне ших мастеров. Они разграбили богатейшую коллекц вышивок XVIII, XIX и XX столетий, вывезли коллекц

ародной одежды, вывезли 11 420 предметов из художественно-промышленного отдела, в том числе коллекцию фаиса Киево-Межигорской фабрики (1780—1798 гг.), 5 384 редмета живописи, графики, скульптуры. Ценную музейую мебель немцы вывезли в Германию. Доктор Ласке, работавший» в Архивном управлении, вывез, например, арнитур красного дерева первой половины XIX века, обиый французским гобеленом; доктор Винтер вывез из узея золочёные стулья, обитые серебряной парчой с выивками.

В начале ноября 1941 г. немецкие вандалы начали граить Успенский собор Киево-Печерской лавры, построенный в XI веке. Сначала они вытащили золото, иконы, рагоценные ризы, а потом взорвали и самый собор.

Вспоминая, какие неоценимые сокровища находились Успенском соборе, жена хранителя лаврского музея . Н. Черногубова рассказала: «Огромнейшее богатство редставлял фонд серебра и золота. Здесь были пудовые еребряные дарохранительницы, жалованные московскими рями, золотые ковши, чаши, кресты, евангелии в масивных, художественно исполненных окладах. Велики были окровища фонда станковой живописи, где хранились паятники древней иконописи... К собору днём и ночью одъезжали немцы, грузили музейные ценности и увозили х. Н. Н. Черногубов протестовал, обращался к коменанту, но всё безуспешно. В лавру приехал Эрих Кох. ерногубов обратился к нему с просьбой запретить граёж. Кох, ехидно ухмыляясь, ответил, что «примет меры...»

И меры были приняты. Через некоторое время гестановцы взорвали собор и расстреляли Черногубова.

Гитлеровцы разграбили величайший памятник культуры лавянских народов — Софийский собор, из которого вызли 14 фресок XII века, в том числе четыре фрески со ен Михайловского Златоверхого монастыря, драгоценую утварь и предметы культа. Полностью разграблена огатейшая фототека музея-заповедника, где хранились атериалы по народной архитектуре и архитектуре ранего феодального периода Киевской Руси.

В Киево-Печерской лавре немцы похитили документы архивов киевских митрополитов и книги из личной библотеки Петра Могилы, собравшего ценнейшие памятники ровой литературы.

«В октябре — декабре 1941 г., — говорится в сообщении резвычайной Государственной Комиссии, — немцы вы-

везли из лавры ценнейшие экспонаты исторического муз
в том числе весь отдел оружия, насчитывавший око
4 тыс. предметов, среди них были уникальные вещи, к
например, сабля Стефана Батория, витрина запорожско
оружия и другие; разграбили ценнейшие экспонаты отде
истории Украины XV—XIX столетий: грамоты, нумиз
тику, печати, стекло, фарфор, ткани; вывезли из арх
музея акты XV—XVIII столетий и рукописи научных т
дов...

В Успенском соборе Киево-Печерской лавры находило
больше 20 серебряных риз на иконах, серебряные царск
врата, серебряные массивные доски на алтаре и жертв
нике, несколько евангелий в серебряных оправах, три
ребряных гробницы, собрание тканей и парчи Киево-П
черской лавры, насчитывавшее более 2 тыс. редких
ценных образцов с дарственными записями царей и г
манов. Все эти ценности немецкие варвары разграбил
вывезли в Германию.

В сентябре — октябре 1943 г. были вывезены в Гер
нию материалы раскопок в Пушкарях, Мезыне, Кир
ловской стоянке в Киеве, раскопок Трипольской культу
на Коломийщине, в Халепье и целый ряд уникальных к
лекций.

Из отдела Скифии исторического музея гитлеровск
грабители вывезли уникальные бронзовые фигурки зве
наконечники значков и знамён, оружие, керамику, бы
вые вещи; из отдела греческих причерноморских ко
ний — кипрскую керамику — около 5 тыс. предметов,
рамику из Ольвии; вывезли материалы отдела «Киевск
Русь», в числе их такие уникальные вещи, как запресто
ный крест X столетия Десятинной церкви, изразцы с г
бом Рюриковичей и другие ценные экспонаты».

Таков далеко не полный перечень уничтоженных и р
грабленных культурных ценностей столицы Советск
Украины.

В секретном циркуляре от 18 июля 1942 г. команду
щий немецкими тыловыми войсками на Украине генер
авиации Китцингер писал: «Украинец был и останется д
нас чуждым. Каждое простое, доверчивое проявление
тереса к украинцам и их культурному существованию н
во вред и ослабляет те существенные черты, которым Г
мания обязана своей мощью и величием».

Оккупанты рассматривали украинцев как рабочую с
тину, лишали их элементарных прав на культурную жиз

Приказом от 6 августа 1942 г. комендант Киева генерал-майор Ремер запретил немецким солдатам приглашать украинцев на стадионы и в рестораны.

В театрах гитлеровцы насаждали кафешантанную бульварщину, низкопробную оперетту. Это отвечало запросам развращённых гитлеровских солдафонов.

Во главе театра, работавшего в помещении оперы, стоял зондерфюрер интендант Брюкнер. Он заставлял артистов петь на чужом, незнакомом языке, приказывал артисткам стирать ему бельё, штопать носки. Зондерфюрер любил бить актёров, если они чем-либо не угождали ему.

В городе работало несколько кинотеатров. В некоторые из них разрешалось заходить и местным жителям, но население избегало смотреть фашистские кинокартины.

Оккупанты стремились постепенно и методически изгнать из обихода украинский язык, онемечить киевлян. Сначала объявления, развешиваемые по городу, печатались большими буквами на украинском языке, а внизу мелкими — на немецком, вскоре их стали печатать на немецком языке и только внизу мелким шрифтом приводился текст на украинском языке.

Почти все радиопередачи проводились на немецком языке. Лишь несколько минут в сутки транслировались передачи на украинском языке: это немцы угощали слушателей очередной порцией геббельсовской лжи, рассказывали сказки о том, как «один немецкий солдат взял в плен роту красноармейцев», кричали о «блестящих» победах немецкой армии.

По радио устраивались специальные передачи — уроки немецкого языка. Дикторы всячески восхваляли немецкий язык, доказывали его «превосходство» над украинским.

Гитлеровцы дошли до того, что 25 февраля 1942 г. они сообщили по радио: «Все адреса на письмах надо обязательно писать по-немецки или латинскими буквами».

В Киеве выходила фашистская газета «Нове українське слово». Этот грязный листок подписывал гитлеровский холоп, предатель Штепа, но всеми делами в редакции верховодил немец Вагнер. Без его разрешения не помещалась ни одна статья.

Немцы, ненавидя украинский народ, его язык, культуру, его прошлое, но боясь нашего народа, иногда вынуждены были скрывать от него эту ненависть и даже «заигрывать» с ним. Немцы хорошо знают любовь украинцев к Т. Г. Шевченко, и поэтому в 1942 г. они даже разрешили

продажным газеткам «отметить» юбилей народного поэт
Конечно украинско-немецкие националисты не говорил
что Шевченко глубоко ненавидел немцев, бичевал
в своих произведениях, но немцы помнили это. И ког
украинско-немецкие националисты «отмечали» юбилей,
мецкие офицеры и солдаты стреляли в портреты велико
кобзаря, глумились над его памятником в Канёве, разр
шали музей поэта в селе Шевченково. А в Купянске нем
на глазах у местных жителей стесали на здании кин
театра барельеф Тараса Григорьевича, а на его месте н
рисовали фашистскую свастику. Кино, носившее имя вел
кого певца украинского народа, немцы переименова
в «Зольдатенкино».

Гитлеровцы — проповедники мракобесия, враги все
прогрессивного человечества, злейшие враги культур
Уничтожая культурные ценности Украины, они тем сам
стремились уничтожить духовную жизнь украинского н
рода, сломить его вольнолюбивый дух, растоптать челов
ческое достоинство и национальные чувства. Но нар
Украины не гнул спины перед немецкими оккупантами,
всячески мстил им и помогал Красной Армии завоёвыва
победу.

БОРЬБА КИЕВЛЯН ПРОТИВ НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ

В первые дни оккупации Киева на домах городской
районной управ, на Софийском соборе рядом с фашис
скими флагами был вывешен флаг предателей украинско
народа — украинско-немецких националистов. На прода
ной фашистской газете «Українське слово», которая ста
выходить в Киеве, красовался петлюровский трезуб. О
купанты выдавали себя за «освободителей» Украины. Ра
стрелы, пытки и грабежи у них переплетались с дема
гическими обещаниями будущего «рая» для киевлян.

В обозе оккупантов в Киев прибыла целая орава укр
инско-немецких националистических последышей. Они во
чески восхваляли немцев, с пеной у рта крича
о «самостийности» Украины и с волчьей жадностью ож
дали распределения «портфелей» в «украинском прав
тельстве».

Но гитлеровцы не хотели создать даже марионеточн
правительство, как это сделали в 1918 г. кайзеровск
оккупанты. Будучи уверены в «молниеносной» победе, о
считали излишним возиться с этим «маскарадом».

Немного погодя, немцы запретили украинско-немецким ционалистам вывешивать свои флаги, закрыли «Украінське слово», которая чрезмерно разболталась о «самостійності». Её место заняла газета «Нове украінське слово», которая стала откровеннее говорить о подлинных намерениях немцев, пришедших за украинским хлебом и ром, за украинским добром.

В одном из номеров этой газеты немец Зоммер писал: «Не может быть никакой свободной Украины. Немцы кровью оружия завоевали Украину. Украина должна работать только под руководством немцев». А гауляйтер Украины Эрих Кох заявил: «Один центнер украинской пшеницы весит для меня больше, чем вообще весь украинский вопрос».

Когда у предателей исчезла надежда на распределение портфелей, они обратились с плаксивым письмом к Розенбергу, но прибалтийский барон даже не ответил им. Тогда они написали Гитлеру: «Руководящие украинские круги сразу после занятия столицы Украины немецкими войсками приняли соответствующие меры к сотрудничеству с немецкими властями на этих землях. Они создали Украинскую национальную раду в Киеве и сделали всё возможное для взаимопонимания с немецким управлением по вопросах своей деятельности... Однако немецкие власти прекратили деятельность Украинской национальной рады. Мы вполне отдаём себе отчёт в том, что обстоятельства военного времени, безусловно, создали определённые трудности. И всё же, несмотря на это, мы должны указать на то, что Украина весьма предрасположена к восприятию большевистской пропаганды и поэтому требует особого внимания». Предатели украинского народа молили Гитлера дать им хоть видимость украинской государственности.

Вся власть в Киеве была сконцентрирована в руках гестаповцев. Городская и районная управы были под непосредственным наблюдением немецкого коменданта города и подчинялись ему. Местная администрация Киева была укомплектована из бывших торговцев, домовладельцев всяких преступников. В полицию гестаповцы вербовали отбросы общества. Начальником полиции они назначили известного среди уголовных преступников бандита Орлика. На службу к немцам пошла только кучка продажных ушенников. Население же Киева с первых дней оккупации города стало на путь активной борьбы с немецкими оккупантами.

Оккупанты не чувствовали себя хозяевами столи
Здесь шла борьба не на жизнь, а на смерть. С непоко
бимой уверенностью говорили киевляне: пока солнце
неба светит, пока воды Днепра текут в море — Украи
не будет рабой, не станет на колени перед берлински
людоедами прославленный в веках Киев.

Гордый Киев не сдавался. Он жил и боролся. В глух
киевских переулках, на Владимирской горке и Куренёв
на Сталинке и Шулявке, на берегу Днепра и в райо
Арсенала раздавались выстрелы, падали фашистские з
хватчики.

В своей оккупационной политике немцы придерживал
«мудрости» рабовладельческого Рима: «Пусть нас нена
дят, лишь бы боялись». Массовыми убийствами они ст
мились не только уничтожить миллионы людей «низш
расы», но и навеять ужас на остальных, запугать
сломить волю к сопротивлению.

Один гитлеровский военный журналист, рисуя пер
немецкой военщиной привлекательные перспективы р
грома советского народа, писал: «Уцелевший деморали
ванный сброд людских существ, лишённый руководител
будет так сильно подавлен и сломан неслыханным ужас
страданием и террором, что будет стоять беззащитным
лишённым воли перед лицом своего победителя и бу
представлять собой глину в руках гончара-победителя».

Но не сломленные и покорённые рабы, а гордые, р
гневанные мстители встретили гитлеровцев в Киеве. Ч
дальше, тем сильнее разгорался народный гнев, тем си
нее крепла его воля к борьбе.

Неудержимый террор гитлеровцев нарастал изо д
в день. Зверства фашистских людоедов были показател
не их силы, а бессилия и страха. Они боялись кажд
прохожего. На всех перекрёстках выставляли они воор
жённых жандармов и полицейских. Летом 1942 г. газе
«Дейче Украине Цейтунг» сообщала: «Въезд в К
и выезд из него разрешается только по определённ
улицам и дорогам. По отношению к лицам, замеченны
в других местах, принимаются строжайшие меры, вплоть
расстрела на месте. Всё гражданское население обяза
без всяких предупреждений показывать пакеты и проч
свёртки заградительной немецкой охране, которая бу
немедленно стрелять во всех, кто нарушит указанн
порядок».

Ночью немцы избегали ходить по городу в одиноч

ясь народных мстителей. Подъезды, ворота всю ночь
или на запоре. Жилые дома охраняли специальные ноч-
е сторожа.

Особенную «бдительность» жандармы и полиция проявли, когда в Киев приезжал кто-либо из фашистских аварей. Тогда закрывали ларьки, запрещали торговать базарах и даже ходить по улицам.

5 июля 1942 г. было опубликовано объявление за под-сями военного коменданта и рейхскомиссара Украины: Всякий, кто непосредственно или косвенно будет поддер-ивать или скрывать партизан, саботажников, бродяг, енных беглецов или даст кому-либо из них продукты тания или окажет какую-нибудь помощь, будет наказан ертью.

Всё имущество его будет конфисковано.

Такое же наказание постигнет каждого, кто, зная о по-лении партизан, саботажников или пленных беглецов, сообщит об этом немедленно своему старосте, ближай-ему полицейскому начальнику, военной команде или мецкому сельскохозяйственному руководителю.

Кто своим сообщением поможет поймать или уничтожить ртизан, бродяг, саботажников или пленных беглецов, лучит или тысячу рублей награды, или право первенства получении продуктов питания, или право на получение дела земли, или увеличение его приусадебной земли».

В ответ на такие объявления киевляне усиливали борьбу отив немецких оккупантов. Они уничтожали гитлеров-их офицеров, взрывали и поджигали склады, выводили строя целые цехи, где вырабатывалось вооружение для мецкой армии.

Анастасия Петровна Горбач, работница одной из арте-й, рассказывает:

«В Первомайском парке немцы повесили несколько овек. На груди повешенных были укреплены дощечки: Партизан». Ночью кто-то сорвал эти вывески и прикре-л свои: «Жертвы фашистского террора». На другую ь немцы выставили охрану. Патриоты сняли трупы, вместо них повесили охрану и написали на дощечках: от кто достоин виселицы».

В другой раз немцы повесили на каштанах площади рховного Совета трёх рабочих Арсенала, отказав-ихся от работы. На следующую ночь на этих каштаа закачались жандармы».

В Липках возле дома киевского генерал-комиссара поме-

щался эсэсовский гараж. В начале 1943 г. народные мс
тели взорвали его. Сгорело 68 автомобилей. Полицейск
которые охраняли этот район, немцы расстреляли.

Вокруг Киева и в самом Киеве действовали 53 отря
народных мстителей.

Большую работу в Киеве проводили большевистск
подпольные парторганизации. Они вели агитационно-мас
вую работу среди населения, сплачивали его вокруг се
возглавляли и направляли борьбу киевлян против немец
фашистских оккупантов, оказывали партизанским отряд
помощь оружием, медикаментами, пополняли их ряды.

Бывший начальник цеха одного из заводов Владим
Исидорович Кудряшов в условиях жестокого террора, у
в первые дни немецкой оккупации, создал ряд районн
и первичных подпольных парторганизаций, а на предпр
тиях — боевые подпольные группы, которые наноси
оккупантам беспощадные удары. Сам В. И. Кудряшов
только руководил, но и принимал личное участие в бо
шинстве вооружённых актов. Тысячи патриотов Ки
с полным вооружением были направлены Кудряшов
в партизанские отряды, действовавшие вокруг Киева.

В июле 1942 г. Кудряшов был схвачен гестаповца
Его подвергли нечеловеческим пыткам, но ничто не с
мило воли верного сына советской родины. Гестаповцы
смогли получить от него сведений ни об одном подпо
щике, работавшем в Киеве.

В своём предсмертном письме В. И. Кудряшов пис
«В казематах гестапо я держал себя, как подобает ком
нисту. Я умру с твёрдой верой, что освобождение от не
вистного фашизма будет скоро и что советский на
будет торжествовать победу. Привет всем тем, кто с на
работал, помогал и жил мыслью освобождения в свящ
ной борьбе от ненавистного фашизма.

Передайте моему сыну Саше, чтобы он рос честн
для народа, крепким и смелым и чтобы врагов ненави
так же, как его отец».

Смертью храбрых погиб В. И. Кудряшов. Но органи
ванные им подпольщики ещё сильнее мстили немец
захватчикам.

Секретарь железнодорожного подпольного райко
КП(б)У Александр Сидорович Пироговский, работавш
до войны секретарём парторганизации завода им. 1 М
в период 1941—1943 гг. организовал более 20 подпольн
групп на основных предприятиях города. Подпольная п

йная организация, руководимая А. С. Пироговским, объединяла свыше 250 человек и направила в партизанские отряды с полным вооружением около 300 человек. Руководитель подпольной парторганизации станции Киев-1 товарная П. Н. Зосенко рассказывает: «Полные ярости и гнева, мы взялись за дело, чтобы отстоять честь, свободу и независимость нашей родины, помогать Красной Армии истреблять фашистскую нечисть, мстить немецким извергам за все их злодеяния.

Мы мстили беспощадно: уничтожали телефонную связь, организовывали крушение поездов, уничтожали товарные вагоны, гружённые боеприпасами, засылали не по назначению грузы.

Подпольная парторганизация станции Киев-1 товарная возглавляла борьбу рабочих-железнодорожников против немецких захватчиков. Члены ВКП(б) составляли боевые отряды для подпольной работы, своим личным примером влачивали вокруг себя патриотов родины».

Фашисты всячески пытались убедить киевлян, будто Красная Армия разбита и никогда больше не возродится. Но этому никто не верил. Подпольщики Киева слушали радиопередачи из Москвы и рассказывали жителям города правду о советской родине и положении на фронтах. Эти сообщения с быстротой молнии облетали Киев и окрыляли советских людей надеждой на скорое освобождение.

Тайком, ночами советские люди выкопали на склонах Днепра пещеры и установили в них радиоприёмники. В пещерах было сделано по нескольку входов и выходов. Были установлены также посты наблюдения и сигнализации. Эти радиоприёмники ловили известия с «Большой земли».

Врач Центральной поликлиники Л. Попова рассказывает: «Были в Киеве люди, которые тайком слушали советские радиопередачи, и слово большевистской правды находило себе доступ всюду благодаря стараниям этих самоотверженных и смелых людей. «Сталин выступал!»—об этом моментально становилось известно всему городу».

Об освобождении Харькова здесь уже знали 23 августа, т. е. в самый день освобождения. Через некоторое время появилась листовка: «Киевляне! Красная Армия заняла Харьков. Слава ей! Трепещите, немецкие палачи, — идёт суд!»

Подпольщики Киева использовали свыше 250 радиоприёмников. Радиопередачи из Москвы, сообщения Совинформбюро переписывались от руки, перепечатывались на машинке или гектографе и распространялись по городу —

на базарах, на бирже труда и в других людных места
Часто листовки зачитывались и обсуждались среди раб
чих. В 1942 г. лишь одна из подпольных групп распростр
нила около 4 тыс. экземпляров сводок Совинформбюр
свыше 100 листовок и воззваний. Листовки распростран
лись не только в Киеве, но и в прилегающих районах
(Фастов, Тетерев, Корсунь) и ряде сёл. Подпольщики-ж
лезнодорожники расклеивали листовки на вагонах, уход
щих из Киева.

Члены подпольной организации станции Киев-1 това
ная вскрывали вагоны, добывали оружие и боеприпас
доставали различным образом медикаменты и хирургич
ские инструменты и направляли их в партизанские отряд
В Кобышанский отряд этой группой было отправлено ра
личных медикаментов на 30 тыс. рублей, в Носовск
отряд — на 15 тыс., в Плисецкий отряд — на 5 тыс. рубле

Подпольщики помогали бежать людям, которых нем
пытались вывезти в Германию. Так, т. Ровинский толь
за июль и август 1943 г. освободил от угона в Германи
180 человек. 27 сентября 1943 г. П. Зосенко и М. Гал
выпустили из вагона под станцией Козатин киевлян, о
правляемых на каторгу.

При отправке в Германию поездов с зерном К. Ник
лаенко, П. Зосенко, И. Заец приоткрывали двери вагоно
и зерно, погружённое насыпом, при движении поезд
высыпалось на землю. Таким образом удалось приоткры
до 200 вагонов.

На станции Киев-1 товарная подпольщики за врем
своей работы разбили 129 товарных вагонов с различным
грузами, опрокинули 34 вагона и вывели из строя 3 пар
воза. Диверсии часто устраивались и не членами организа
ции, даже без её заданий. Патриоты-железнодорожник
действовали по приказу родины и всем, чем только могл
вредили немцам.

Немецкая фирма «Ганибек» занималась изготовлением
различных мостов. В результате активной работы подпол
щиков сроки изготовления мостов систематически срыв
лись, а отдельные заказы и вовсе не были исполнены
Однажды фирма получила крупный и срочный заказ. Шеф
фирмы, немец, переписал в блокнот все размеры болто
и оставил блокнот на столе. Воспользовавшись этим, руко
водитель подпольной группы Александр Васильевич Агаш
ков сделал в блокноте некоторые «исправления», значи
тельно увеличив размеры болтов.

По этому исправленному заказу шеф дал задание бригадиру. Работа выполнялась около 5 месяцев, но когда болты были отправлены на монтаж мостов, — они оказались непригодными, и монтаж был задержан на несколько месяцев. Подобных примеров можно привести много.

Немцы чувствовали активное сопротивление киевлян на каждом шагу. Рабочие всячески саботировали работу на заводах, портили станки, закапывали разное заводское оборудование, чтобы его не вывезли оккупанты. Так, мастер завода «Ленинская кузница» Кухарский с группой рабочих закопал два полуавтоматических секатора, резак, два редуктора, 9 кислородных баллонов и 66 метров шланга. Мастер Новицкий, рабочий Подпольный, мастер Сидельников спрятали новые инструменты, моторы и другое оборудование. Мастер автоцеха Доброгорский спрятал под полом на заводе исправные автомашины «Пикап» и один газогенераторный автомобиль. Немцы видели, что оборудование исчезает, допрашивали, били «подозрительных» рабочих, но ничего от них не могли узнать.

Осенью 1943 г. гитлеровцы готовились вывезти с трамвайного завода им. Дзержинского всё оборудование и уничтожить его сооружения. Но рабочие завода, рискуя жизнью, закопали автогенный аппарат, пожарное и электрическое оборудование, разные инструменты. Инженер Борис Александрович Загорный собрал группу рабочих (Маняк, Федоренко, Бажанов, Костин, Титомир и другие), которые закопали разное заводское оборудование и, вооружившись, не дали немцам возможности поджечь заводские корпуса.

Сотрудник Академии наук Марковский тайком раскрывал ящики с ценнейшим имуществом Академии, вынимал оттуда аппаратуру, лабораторное оборудование, микроскопы, прятал их, а в ящики клал камни.

Спасаясь бегством от наступающей Красной Армии, немцы стремились угнать с собой всё население Киева. Но люди прятались, кто где мог: в канализационных трубах, в водосточных колодцах, в пещерах, замуровывали друг друга в погребах под домами, прятались на кладбищах в склепах.

Немцы разыскивали людей, используя при этом специально обученных собак. Но киевляне умудрялись прятать свои следы: посыпали дорогу табаком, известью и т. п. Врач Александр Александрович Пашков рассказывает, что, скрываясь в подвале, он смазал подошвы своих башмаков

чхтиоловой мазью, а место, где скрывался, облил ке
сином.

18 октября 1943 г. группа киевлян (директор институ
гидрогеологии Ю. М. Марковский и его жена Лидия С
ченко, директор сельскохозяйственной библиотеки Ака
мии наук Л. О. Масленников с женой и двумя сыновья
лаборантка института гидробиологии О. Валько, стол
института Г. Валько и другие) спрятались в подвале до
№ 24 по улице Гервица. Они принесли туда заранее пр
дукты, воду, потом замуровали кирпичом единствен
выход. Так 19 дней, до самого освобождения Киева Кр
ной Армией, жили эти люди в тёмном, сыром и холодн
подземелье.

Люди прислушивались к каждому шагу и возгласу
верху. И когда казалось, что им угрожает опасность,
нащупывали в карманах приготовленные порошки циан
стого калия, чтобы спастись от неволи смертью.

Замурованные люди вели дневник. Иногда они теря
веру в то, что останутся живыми, боялись, что немцы вз
вут помещение и они погибнут. С замиранием сердца п
слушивались к пушечным выстрелам. 5 ноября, наканун
освобождения Киева, эти люди записали в дневнике: «Ес
товарищ, тебе доведётся прочесть этот дневник, знай од
мы — одиннадцать советских граждан — предпочли смер
немецкому рабству. Что такое «новый порядок в Европе»
судите по нашим трупам; судите по тому, что учёные уш
под землю и заживо себя замуровали, лишь бы спастись
этого немецкого порядка. Прощальный привет вам, со
даты-герои, освободившие Киев».

6 ноября вместе со всеми киевлянами они восторжен
приветствовали Красную Армию.

Десять дней просидела в склепе на Лукьяновском кл
бище Евдокия Ивановна Колесник со своей парализова
ной матерью. Когда не стало пищи, они питались каш
нами и готовы были погибнуть, лишь бы не попа
в руки немцев.

На Куренёвке была выкопана в холме пещера, в ко
рой спаслись от немцев полтораста человек.

Свыше двух лет жили в потайных норах и убежищ
киевский художник-декоратор Феликс Гитерман, его же
Людмила Гусак, одиннадцатилетняя дочь Лариса и тр
летний сын Олег. Страшно было смотреть на этих люде
Заросший, с истощённым лицом и взъерошенными во
сами, в лохмотьях вылез из подземелья Ф. Гитерман.

то-то кричал, размахивал руками, смеялся, плакал. Дети, держась худенькими руками за юбку матери, моргали глазами: они так давно не видели света, не видели солнца людей!

С надеждой смотрели киевляне на Восток: они знали, что оттуда придёт воля и счастье, знали, что Красная Армия, руководимая великим Сталиным, вырвет их из фашистской неволи, знали и всячески старались ускорить победу. Ни утончённые издевательства, ни голод, ни угрозы смерти не сломили воли советских людей, не поколебали их любви и преданности своей отчизне.

Один из фашистских корреспондентов писал в «Кракауер Цейтунг»: «Спокойствие киевлян невозможно побороть, оно сделало их нечувствительными к любым средствам принуждения».

Спокойствие — это не успокоение и примирение, это была глубокая, непоколебимая вера в победу, вера в то, что настанет время расплаты с немцами за все их злодеяния, время освобождения от фашистского гнёта, время, когда снова на украинской земле подымутся фабрики и заводы, засияют огни Днепростроя, расцветут сады, заколосятся буйные хлеба.

Собрание партактива города Киева в письме от 27 декабря 1943 г. писало секретарю Центрального Комитета КП (б) Украины Н. С. Хрущёву: «Наш родной Киев свыше тысячи лет стоит среди широких украинских полей нерушимой крепостью на высоком берегу полноводного Днепра. Никогда не склонялся он перед многочисленными врагами. Не колебался он и в тягчайшие дни фашистской оккупации. Не сломили его воли к борьбе, не пошатнули его верности Союзу советских народов гитлеровские варвары и их приспешники — подлые украинские националисты».

* * *

Войска 1-го Украинского фронта в результате стремительного удара, смелым обходным манёвром 6 ноября 1943 г. на рассвете овладели столицей Советской Украины. Над Киевом взошла заря освобождения, взвилось красное знамя, — знамя счастья и свободы, победоносное знамя Ленина — Сталина.

Утихла канонада. Подпольщики вынимали из потайных погребов радиоприёмники, с помощью которых они ловили вести из Москвы, гектографы, на которых печатали листовки, оружие, которым они били врага.

Из канализационных труб и колодцев, из лесов и ча
из разрушенных домов, из замурованных погребов выходи
люди. Со слезами радости на глазах обнимали они бойц
и командиров, героев-освободителей столицы Украины.

В этот же день вместе с передовыми частями Кра
ной Армии в Киев прибыл секретарь Центрального
Комитета Коммунистической партии большевиков Украи
Н. С. Хрущёв. Тепло приветствовали киевляне руковод
теля большевиков Украины. На улицах, где проходи
Н. С. Хрущёв, стихийно собирались жители города. О
благодарили Красную Армию за освобождение от ужас
немецкой оккупации и просили передать товарищу Стали
благодарность за освобождение Киева от немецких захва
чиков.

В своём письме товарищу Сталину 8 ноября 1943
Н. С. Хрущёв писал:

«Немцы пытались угнать всё население города. Они раз
скивали жителей, используя специально дрессированны
для ловли людей собак. Киевляне изыскивали всякие сп
собы, чтобы уклониться от облавы. Они прятались в кан
лизационных и водосточных колодцах, замуровывали дру
друга в подвалах домов, заваливали себя рухлядью на че
даках...

Сейчас из окрестных лесов, болот, оврагов и кладбище
ских склепов возвращаются большими группами киевля
Они производят тяжёлое впечатление от пережитых уж
сов, издевательств и лишений. С непередаваемым волн
нием встречают жители города бойцов Красной Армии

6 и 7 ноября, будучи в Киеве, я беседовал со многи
жителями города, которые плача рассказывали мне
ужасах немецкой оккупации.

Повсюду, где я был, меня просили жители Киева лич
передать Вам их глубочайшую и сердечную благодарнос
за освобождение родного города и за спасение киевля
от гибели».

В городе ещё видны были свежие следы боёв: лежа
битое стекло на тротуарах, пылали дома. Но киевля
спешили к своим заводам и учреждениям, чтобы спас
от пожаров государственное и общественное имуществ

В освобождённый город возвращались люди, прята
шиеся в окрестных селениях. Однако Киев, когда-то мн
голюдный, производил впечатление вымершего город
Немногим удалось избежать фашистской пули и немецк
каторги. Гитлеровцы опустошили город. Нельзя было узна

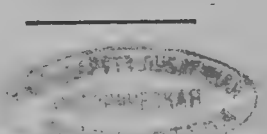
самих киевлян. Они ходили в лохмотьях, худые, истощённые, с запавшими щеками и землистыми лицами.

В своём письме товарищу Сталину, принятом на общегородском митинге 27 ноября 1943 г., киевляне писали: «Если бы Вы сейчас увидели нас, Вы не узнали бы своих киевлян, да и сами мы не каждый и не сразу узнаём друг друга — так сильно изменили нас, ограбленных и обездоленных немцами, причинённые ими горе, бесправие и нестерпимые издевательства над всем самым дорогим, что только есть в народе. Так изменили нас незабываемые утраты и ежеминутное ожидание смерти, которая более двух лет разгуливала по нашим улицам, площадям и жилищам нашим, одетая в немецкий гестаповский саван. Немного нас живых осталось в Киеве. Опустели наши улицы, не слышно на них весёлого детского шума и смеха, стоят опустевшие школы, и старинный Киев наш среди сожжённых сёл, сам полусожжённый и разрушенный, но прекрасный в своих ранах, словно символ нашего народа-мученика и воина...

За годы гитлеровской неволи мы видели и пережили такое, чего не передать никакими словами, чему нет названия ни на одном человеческом языке. Мы прожили два года, словно два долгих столетия, за гранью закона, за пределами человеческого существования.

И никто уже из нас, сколько будет жить, не забудет и не простит немецким людоедам, разорителям нашей земли, убийцам народа нашего. Умирая, передадим потомкам свою ненависть и презрение к фашистам, врагам человечества, чтобы и в грядущих столетиях помнили наши потомки о нашей борьбе и муках, чтобы уважали дружбу народов, которую, как победный меч, выковали Вы, товарищ Сталин. Одних только наших киевских страданий достаточно, чтобы заклеймить проклятьем и ненавистью гитлеризм-фашизм на долгие века...

Торжественно заверяем Вас, дорогой наш товарищ Сталин, что так же, как наша победоносная Красная Армия под Вашим водительством не сложит оружия до полного разгрома и уничтожения фашизма, так и мы не сложим своих трудолюбивых рук, пока не станет наш славный Киев снова полной чашей, пока не исчезнут в нём все следы немецкого разбоя, пока не соберутся все его дети, пока не расцветут пышным цветом все его сады, пока не возродится, не воспрянет во всей своей красе наша великая украинская земля».



СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Зверское истребление жителей города	5
Грабежи, голод и эпидемии	15
Насильственный угон киевлян на немецкую каторгу	21
Разрушение города, его культурных и исторических ценностей	25
Борьба киевлян против немецких оккупантов	36

Редактор *М. Гильгулин.*

Подписано к печати 14 марта 1945 г. А16929. Объём 3 п. л.
Тираж 30000 экз. Заказ № 3500. Цена 60 коп.

1-я Образцовая тип. треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР.
Москва, Валовая, 28.

66 кон.

4790